

прислуга на нее в союз, вот ведь ужасный какой пролетариат. Мать с утра забирается ко мне в комнату и представляет Воронскую в лицах, мы с Аннушкой помираем с хохоту, Аннушка от смеху икает, икает — она с любовью и нестерпимо звучно. Еще новости: Иван Иванович был вчера именинник, Шик, еврей выкrest — живущий насупротив рукоположен во священники, он сменил полукафтанье на рясу и ходит во всамделишной рясе с клюкою; коз согнали с Козовой горки (вы на этой горке были); бабы устроили бунт вчера, и к ним приходил представитель исполкома. Кто победит — еще неизвестно.

Больше новостей нет. Я занят скучной работой и отвлекся от нее, чтобы напомнить вам о себе. До свидания, душенька. Будьте толстая, веселая, глупая и не живите духовной жизнью.

Любящий вас член союза Работпрос № 3929.

И. Б.

Сергиево 16/VI—25.

Из Сергиево — в Сочи

20/VI—25 г.

Таратуточка. Двое суток я предавался неумеренному отчаянию по поводу несчастного вашего путешествия. На меня было жалко смотреть. Утешение я черпал единственно в том, что не был на вокзале во время вашей посадки. Несомненно, я скончался бы с горькой улыбкой на руках чужих людей. Конечно, я кругом виноват, но боже, что случилось с курортными вагонами? Я виноват, но тут замешана и власть. В прошлом году на Кавказе я перевидал множество курортных вагонов. В них царила роскошная гигиена и товарищеская спайка. Насчет спайки дело и в нынешнем году обстоит очевидно неплохо, но кто же разрушил

ВАС СЕРДЦЕМ»

гигиену? И куда девались уборные? Клянусь вам, Каширочка, они были в прошлом году, по двое на вагон, клянусь вам!

Известие ваше о дурной погоде не застало меня врасплох. У нас пятый день льет дождь, сыплет град, валит снег, изморозь покрывает землю по утрам, и глыбы льда выезжают из водосточных труб. Воронская поставленная, наконец, лицом к лицу с беспощадной природой; обжаривается все более, на замызганном ее лице я читаю всю страдальческую историю великого нашего курчавого народа. Воронская считает, что я нахожусь с природой в договорных отношениях и что она кругом обманута. И только Воронский доволен. В Сергиеве никто не нарушает его права писать критические статьи. Но, по-моему, он злоупотребляет этим правом. Через проклятую эту погоду я простудился, чувствую себя плохо, ропщу, но сценарий все же пишу. Завтра в субботу из шести частей будут готовы четыре, а в воскресенье я поведу получать от вас письма и читать сценарий Эйзенштейну. Если я написал чепуху — вот будет оказия!

Милый, чудный мой друг Каширочка. Теперь ночь, за стеной мелкий дождь ведет старушачий свой хлопотливый разговор, все спят, зеленый абажур на лампе призывает меня к труду, к терпению, к упорству и кабы вы были здесь, в пустынной моей комнате — я был бы счастлив. Ну да ладно. Не скучайте, Татушенька. Неужели погода таковая, что нельзя купаться? Глупая история. Напишите мне о Тане и Зин. Влад. Как вы с ними устроились? Хорошие ли вам предоставлены комнаты? Сколько баранов вы съели?

Аннушка завтра едет в Москву, я передам ей это письмо, оно, я думаю, скорее дойдет, чем Сергиевские. В воскресенье напишу вам из Москвы.

Спокойной ночи, Татушенька.

Ваш И. Б.

Сергиево, 20/VI—25.

Из Сергиево — в Сочи

25/VI—1925 г.

Милый друг, Татушенька. Письма ваши из Сочи получил. Деньги (100 р.) высылаю сегодня или завтра. Стыдно, что так мало, но времена денежного изобилия для меня наступят позже, приблизительно дней через восемь. Тогда мы с вами разберем дела. Прошу вас, тратьте сколько надо. По-моему, тратить следует немножко больше, чем надо, п. ч. иначе какой толк в тратах?

Я рад, что вам живется хорошо. У нас тоже наступила хорошая погода. Я три дня провел в Москве, в большой суете. Был у Эйзенштейна на даче, ночевал у него. Сценарий мой как будто выходит. Из шести частей я написал четыре, сегодня приступаю к пятой. Когда упрямлюсь с этим делом, тогда только для меня прояснятся дальнейшие перспективы.

Я написал вам три или четыре письма, из них одно спешное. Как это могло случиться, что вы их не получили? Письма из Сочи идут медленно.

Из милых посланий ваших я заключаю, Татушенька, что вы по-прежнему предаетесь размышлениям в то время, как единственная цель теперешней вашей жизни должна состоять в том, чтобы в каждый данный день весить на фунт больше, чем в предыдущий. Дитя, дочь, внучка моего сердца. Не думайте обо мне дурно, не приписывайте нам дурных качеств. И если вам не лень будет, голубушка, молиться о моей душеньке, то делайте это по утрам, по следующему рецепту, влейте в чашку двадцать пять яиц, прибавьте к ним сырого молока, сболтайте это с фунтом рыбьего жира и проглотите на завтрак. А потом пейте кровь из баранов, высасывайте ее, я читал, что это очень полезно.

Я получил чудное душевное письмо от Горького. Надо ответить на него целым трактатом и поспеть до закрытия почты. Поэтому я прерываю до завтра свои излияния. Дайте мне прекрасную вашу руку, Татушенька, до свидания, до завтра. Будьте веселы, как жеребенок на лугу, и не забывайте преданного вашего друга.

И. Б.

Сергиево, 25/VI—25.

Я пишу лежа на земле в саду. Поэтому почерк выходит очень скверный.

Из Сергиево — в Сочи

29/VI—1925 г.

Давно вам не писал, Татушенька, и мне кажется, что я живу без вас с незапамятных времен. В четверг приехала гостя (приятельница из Петербурга) и пробыла два дня, а в субботу нагрянули три семьи — Вознесенские, Зозули и проч. Я измаялся. Пропавшие четыре дня, даже вам не мог написать. И это в то время, когда работать надо с возможной поспешностью. Я уже писал вам, кажется, что три четверти сценария написал, а вот последняя четверть не клеится, да и не было времени над ней работать из-за гостей. Не клеится же окончание, потому что меня заставляют работать фальшиво, т. е. ни к селу ни к городу пристегивать идеологию, но я нынче утром напал, кажется, на счастливую мысль и, может быть, выйду из тягостного этого положения без морального урона.

Татушенька, по чистой совести говоря, жизнь течет не так, как ей следовало бы, т. е. все ставишь себе сроки, вот окончу одно, справлюсь с Францией, там поехать можно будет и заживу... Спасаясь только тем, что в мыслях стараюсь отказаться от суеты и скверны, ну да это занятие для философа, а философы дураки, вот тут и вертись... Пишу на почте, очень жарко, мухи и толчея; у почтовой барышни в окошечке завиты такие жалкие кудельки и на цыплячью грудку насыпано столько мела или пудры, что с этой барышней в самую пору поговорить о жизни, о ее и моей жизни, ну да она отвергнет, ей некогда.

Тату, завтра поеду в Москву получать от вас письма, это мне радость. Пишите мне о себе все, что только возможно, пишите о том, что было на первое и что на второе и сколько было нынче градусов в тени. Мне все интересно и очень, друг мой, хочется бывать с вами почаще. — Деньги (сто р.) я перевел вам телеграфно из Сергиева. — До свидания, любовь моя, до завтра.

Ваш И. Б.

Сергиево 29/VI—25.

Из Сергиево — в Сочи

3/VII—1925 г.

Вчерашний день провел в Москве. Только и было хорошего в этом дне, что ваши письма. Я читал их, перечитывал и, коли бы не стыд, прижимал бы их к сердцу. А все остальное было плохо: жара, дурное состояние здоровья, дурная семейная сцена и проч. и проч. От делов от этих еще и сегодня голова болит. К стыду моему, я все еще бьюсь над сценарием, над его окончанием. Гонорар мне положили порядочный, надо постараться сделать получше. Татушенька, как это ни ужасно, но точные планы мои и сроки выяснятся только через четыре-пять дней, т. е. после окончательного моего расчета с кинофабрикой. Я думаю, что в Одессу съездить придется. Если поездка в Одессу будет необходима или хотя бы возможна — тогда я вызову вас туда — вы помните наш уговор? Это будет очень хорошо, в Одессе и море есть и вы сможете поработать в злосчастном кино у Эйзенштейна. Он будет снимать там две картины, на стороне его рука владыка — т. е. и деньги, и договор. Напишите, получили ли вы 100 р., высланные телеграфно. Прошу вас, душа моя, осведомлять меня о состоянии ваших скудных финансов. Для меня это радость — заботиться о вас.

Я стараюсь быть точным и пишу два раза в неделю. Ни в коем случае не ездите в город больше одного-двух раз в неделю. Право, жалкие мои письма не заслуживают внимания. Кабы я еще умел писать не о делах, а то стоит ли делать шесть верст по жаре? Не стоит.

Меню ваши я прочитал с захватывающим интересом, но не верю, что один человек может поглотить такое количество пищи, а ежели он может, то да будет он благословен во веки веков! Что касается меня, Татушенька, то я веду жизнь духовную (от чего вас предостерегаю), я ем, как соловей и скоро двух мертвых муравьев будет достаточно, чтобы насытить меня.

● Тамара Каширина.

Больше происшествий никаких. Вчера я ехал на Ярославский вокзал, в самом обыкновеннейшем из обыкновенных трамвайных вагонов, мне было грустно, и я раздумывал — что это такое? Потом впервые в жизни я испытал душевную усталость. Это началась старость, как вы думаете, милая дама? И если это началась старость, то вот вам и происшествие!..

Тату, поклонитесь фотографу, которому вы задолжали шесть рублей, поцелуйте его в увядшие губы (или он грузин) и заберите причитающиеся вам карточки, из коих одну воздушной почтой пришлите мне, п. ч. я скучаю по вас, как не могут скучать старики (не впал ли я в детство?), вот пишу эти дурацкие строчки и скучаю по вас, как осиноный лист, и вспоминаю чудное ваше лицо в хорошие ваши минуты! Кстати, о лицах. По-прежнему ли вы испещрены язвами, по-прежнему ли вздута ваша губа, ободран ваш подбородок и растерзан ваш курносый милый нос? Все это было моим уделом, но теперь, когда вы любите грузин и можно сказать ласкаете их, теперь, когда вы слушаете по ночам шакалов, сидя на веранде с страстным Фрейманом (кстати, говорят, что Фрейман это ничего не обозначающий псевдоним, а на самом деле он написал Юрия Милославского), теперь, конечно, вы похожи на Шехерезаду, грузины в восторге, они угощают вас бараньим шашлыком с луком и помидорами и только я и мадам Фрейман орошаем подушки густо посоленными слезами. Вы правы, Тату, и я подписываюсь под вашей философией, которая гласит: все граждане мучаются в их жизни, я гражданка, следовательно, и я должна мучиться в моей гражданской цивилизной жизни и никакие улещивания и подвохи не отвратят меня от исполнения прямого моего долга, т. е. мучиться. На этом стою и с эфтого не сойду.

Последняя новость: умер Давыдов. Он был великий человек, вы знаете, как я уважал его, умирая, он сделал последнее свое доброе дело: Я не могу передать Кашириной моего таланта, — сказал великий человек, умирая, — но я завещаю ей мой объем. — Такова была последняя воля последнего классического актера. Осмельтесь послушать ее и вас выгонят из союза, из какового вас уже выгнали, что обозначает гражданскую вашу смерть и налагает на меня грустную необходимость прекратить с вами знакомство, которые вы, в вашем положении мертвеца, физически и духовно не можете продолжать. Значит, и переписку прекращать пора. До свидания, Таратуточка, милая дамочка, воздушная красавица, трибун моей жизни! Дайте на прощанье упомомятельную вашу лапку, и я поцелую ваши седины и тысячи дьяволов в вашем ребре.

Сергиево, 3/VII—25.

И. Б.

Я очень долго не решалась, ощущая себя до мозга костей вдовой Всеволода, опубликовать целиком переписку Бабеля, считая это бестактным в отношении уважаемой мною вдовой его, Антонины Николаевны Пирожковой, которой удалось написать очень верный человеческий портрет Бабеля, а в творчество свое, как она пишет, Исаак Эммануилович ее «не пускал».

Решение все же опубликовать письма возникло по прочтении на французском языке писем Исаака Эммануиловича к живущим в Брюсселе матери и сестре (составитель — дочь Бабеля, живущая в США и видевшая отца всего лишь в младенческом возрасте).

Эта публикация, надеюсь, добавит что-то к тому скудному количественно литературному наследию, которое осталось на сегодняшний день от интереснейшего и замечательного писателя.

Мир его душе, столь истстрадавшейся в земном своем существовании. И да простит мне Бог вынужденное вторжение в личную переписку этого талантливейшего и несчастнейшего человека.

Публикация
Тамары ИВАНОВОЙ.